

Генри Лайон Олди

Герой вашего времени (сборник)

*Часть сборника
Шутиха (сборник)*

Генри Олди

Герой вашего времени (сборник)

«Автор»

1994

Олди Г. Л.

Герой вашего времени (сборник) / Г. Л. Олди — «Автор», 1994

ISBN 978-5-457-10358-0

«Тангенциальный коллапсатор изобрел инженер Павел Лаврентьевич Манюнчиков. Не хватайтесь за энциклопедию – в ней не найти Павла Лаврентьевича. Гораздо проще найти его в курилке маленького института «НИИЧТОТОТАМПРОЕКТ», коротающего восемь рабчасов за обсуждением последнего заседания Верховного Совета. А зря, зря не берутся биографы за жизнеописание господина Манюнчикова, ибо был господин Манюнчиков человек обиженный и втайне страдающий...»

ISBN 978-5-457-10358-0

© Олди Г. Л., 1994

© Автор, 1994

Содержание

Коллапс	5
Счастье в письменном виде	8
Скрытая проводка	9
Мифург	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Генри Лайон Олди

Герой вашего времени

Рассказы невежественных людей поражают слух. Мудрый удивительного не рассказывает.

Из древних

Человек, не имеющий чувства юмора, должен иметь хотя бы чувство, что у него нет чувства юмора.

С. Е. Лец

Коллапс

Тангенциальный коллапсатор изобрел инженер Павел Лаврентьевич Манюничков. Не хватайтесь за энциклопедию – в ней не найти Павла Лаврентьевича. Гораздо проще найти его в курилке маленького института «НИИЧТОТОТАМПРОЕКТ», коротающего восемь раб-часов за обсуждением последнего заседания Верховного Совета. А зря, зря не берутся био-графы за жизнеописание господина Манюничкова, ибо был господин Манюничков человек обиженный и втайне страдающий.

Надо сказать, что Павла Лаврентьевича обижали все. Его обижали коммунисты («Почему у нас так плохо?!»), а также капиталисты («Почему у них так хорошо?!»), правитель-ство («Умники!»), народ («Дураки!»), начальство («Хам и бездарь!»), сослуживцы («Высочки и сопляки!»), жена («Стерва безмозглая!»), работники торговли («Жулье!»), работники милиции («Сатрапы!») – и многие-многие другие, полный перечень которых вполне заслуживает упоминания если не в энциклопедии, то уж хотя бы в телефонном спра-вочнике.

И вот как-то раз сидел Манюничков в своем совмещенном санузле, неисправный бачок которого лишь усугублял страдательные порывы, и думал, придерживая брюки: «А как хорошо было бы, если бы все они, которые меня обижают, вдруг взяли бы и исчезли к соот-ветствующей матери!.. И, может быть, тогда проявились бы наконец мои выдающиеся спо-собности, талант или – чем черт не шутит? – даже гениальность!..»

И тут неожиданно Манюничков ясно представил себе схему. Не сразу он понял, что это такое, но почувствовал всем своим существом, что это нечто очень важное и лично ему крайне необходимое, – и сразу же принялся лихорадочно срисовывать видение, портя импортную женину помаду и разматывая рулон дефицитнейшей туалетной бумаги.

Когда бумага смоталась окончательно, а вместе с ней смоталось и озарение, Павел Лав-рентьевич удовлетворенно откинулся на неисправный бачок, оглядел свое творение, ничего не понял и укрепился в мыслях о собственной гениальности.

Вымыв руки и вернувшись в комнату, Манюничков вновь предпринял попытку разо-браться, что же он все-таки навалял. Получилось нечто среднее между пылесосом, электро-шашлычницей и противотанковым ружьем.

Долго сидел Павел Лаврентьевич над детищем своим и уже потихоньку злиться начи-нал, не находя ему ни объяснения, ни применения, но решил для отдохновения души в жур-нале научно-популярном порыться, кроссворд поискать. Полистал-полистал, кроссворда не нашел, зато статейку одну обнаружил. Пульсары-коллапсары, дыры разные, черные и белые, тарелки летающие некондиционные – в общем, пришел гений Манюничков в волнение страшное, потому как понял суть изобретения своего.

А изобрел Павел Лаврентьевич оружие ужасное, название которому – *тангенциальный коллапсатор*!

На следующий же день принялся Павел Лаврентьевич за расчеты, потому как без расчетов скрупулезнейших самая замечательная модель у тебя же в руках шархнуть может и родителя своего же сколлапсировать.

И вот тут-то и выяснились в знаниях Манюнчикова пробелы немалые, а точнее – один большой девственный пробел с редкими оазисами обрывочных и весьма куцых знаний. И от открывшейся истины в расстройстве душевном засел Павел Лаврентьевич в библиотеке – книжки умные читал, выписки делал. А когда заполнился пробел бездонный выписками до середины – приступил товарищ Манюнчиков к сборке аппарата своего, с немалым трудом рассчитанного.

Только вот сослуживцы Павла Лаврентьевича, выскочки и сопляки вышеупомянутые, как-то косо поглядывать на него начали. Да и то сказать – на перекуры не ходит, кроссворды не решает, о заседании последнем и говорить не хочет – совсем, видать, свихнулся человек. Пришлось Манюнчикову в целях конспирации включаться обратно в жизнь коллектива, отчего работа пошла куда медленнее, зато сигареты закончились куда быстрее. Ну да бог с ними, с сигаретами, а только сделал Павел Лаврентьевич модель действующую, сделал все-таки, несмотря на общественную нагрузку, чтоб ей пусто было...

Коллапсатор вышел большой, черный, тангенциальный, работающий на батарейках «Крона». Долго сидел Павел Лаврентьевич на кровати, долго вертел в руках детище свое родимое – и наконец решился. Выставил он мощность (самую малую), прицелился в старый будильник «Чайка» (звонивший на редкость противно) и нажал кнопку.

Загудел слегка коллапсатор, засветился, буркнул что-то невнятное... И исчез будильник «Чайка», исчез со всеми своими семнадцатью псевдорубиновыми камнями!

Павел Лаврентьевич даже рукой провел по пустому столу. Чисто. Сколлапсировал будильник! Ай да Манюнчиков, ай да сукин сын!.. Получилось!.. И тут Манюнчиков, действительно сукин сын, не утерпел.

Сунул он коллапсатор свой за пазуху, квартиру запер тщательно и во двор вышел. Идет по двору Павел Лаврентьевич Манюнчиков и чувствует себя сильным и уверенным. «Теперь, – думает, – кого хошь сколлапсирую. Нету на меня теперь никакой управы, вплоть до милиции, потому как вещественных доказательств аппарат мой не оставляет. Раз – и нет! А на нет и суда нет».

Вот так, думая о разных приятных для себя вещах, дошел Манюнчиков до голубятни в углу двора. А надо сказать, что голубей Павел Лаврентьевич тоже не любил – и за бульканье их глупое, и за окраску несерьезную, и за гнусную склонность гадить куда попало, не исключая и его, Манюнчикову, личность. Так что подошел он к голубятне, по сторонам оглянулся, коллапсатор свой вытащил... Хлоп – и нет голубятни, как и не бывало, со всеми ее гадами пернатыми.

Хихикнул злорадно Павел Лаврентьевич и хотел было дальше направиться, как вдруг услышал за спиной:

– Ах ты, ирод, антихрист окаянный! Что ж ты птичку невинную, божье творение, изничтожаешь?! А ну подь сюды, сто чирьев тебе на седалище! В милицию пойдем...

Обернулся испуганно Манюнчиков и увидел деда-голубятника, коего в сумерках ранее не приметил. Вредный был дед, злопамятный, склерозоустойчивый.

Глянул еще раз по сторонам Павел Лаврентьевич – на этот раз внимательно, – улыбнулся ехидно ругателю-орнитологу – и кнопку надавил. Раз – и нет деда.

Плюнул тогда Манюнчиков на асфальт и в приятном расположении духа домой пошел.

Утром Павел Лаврентьевич на работу опоздал по причине сколлапсированного будильника. И не просто опоздал, а на целых сорок три минуты. Так что вахтер на проходной аж

подпрыгнул от радости и служебного рвения и палец в телефонную дырку сунул – начальству доносить. Посмотрел Манюничков – одни они в холле с вахтером. Давно ему, кстати, этот вахтер не нравился, и фуражка его противная, и морды выражение неприятное для глаза, и вообще...

Рванулся подлец вахтер в сторону, но не зря коллапсатор у Павла Лаврентьевича звался тангенциальным, ой не зря! Хлоп – и нет вахтера. А на нет – и суда нет. Пора идти на работу.

В тот же день Манюничков подкараулил на лестнице своего начальника – хама и бездаря – и отправил вслед за вахтером. А назавтра пришла очередь и зама – тупицы и чистоплюя, – имевшего неосторожность разогнать в туалете курильщиков, в том числе и Павла Лаврентьевича лично. Хотели еще Манюничкова в колхоз заслать, но ответственная за колхозы – дура крашенная – запропастилась куда-то, искали ее, искали, не нашли и бросили.

Думал Павел Лаврентьевич и жену свою, Люсю, сколлапсировать, да передумал ввиду некоторой пользы ее существования, в горячих обедах и стиранных носках проявляемой. Так что с этим пришлось повременить.

Ну, ясное дело, стал народ вокруг нервничать, слухи поползли разные: дескать, люди куда-то пропадают. Кто международный империализм винит, кто – сепаратистов и номенклатуру, а некоторые, страшно сказать, – самого... Пришлось милицию вызывать. Двух не в меру ретивых служителей порядка Павел Лаврентьевич быстренько сколлапсировал, а остальные сами смылись. По причине отсутствия вещественных доказательств и скудной оплаты героического труда работников органов.

И всем бы доволен был Манюничков, но стала к нему закрадываться этакая подленькая мыслишка: «А куда ж все эти, сколлапсированные, деваются? Хоть и подлецы они все, а интересно...»

Снова засел Павел Лаврентьевич за книги да расчеты, еще треть пробела своего с великим трудом засыпал и вывел-таки формулу конечную, вывел, глянул – и ужаснулся, потому как по формуле этой треклятой выходило, что все, кого он сколлапсировал, живы-здоровы, только перешли они все в восемнадцатое измерение, где испытывают неудобства немалые, и ровно через девять дней и шесть часов после факта исчезновения вернутся обратно крайне обозленные – и окажутся в радиусе трех с половиной метров от тангенциального коллапсатора!..

Дернулся Павел Лаврентьевич, на часы взгляд бросил, с воплем к двери кинулся – да поздно было. Грянул гром, ударила молния, противно зазвонил будильник «Чайка» на семнадцати псевдорубиновых камнях, и толстый сизый голубь обгадил весь пиджак гражданина Манюничкова под радостный вопль ворвавшегося деда: «Хватайте его, ирода, люди добрые!..»

Не ищите в энциклопедии имя Манюничкова Павла Лаврентьевича. Ни к чему это. И в курилке институтской тоже не ищите, не стоит. Впрочем, если у вас много лишнего времени...

Счастье в письменном виде

В воскресенье вечером Павел Лаврентьевич Манюничков получил письмо следующего содержания:

«Письмо-счастье.

Это письмо – подлинное счастье. Находится в Голландии. Оно обошло вокруг света 1000 раз. Теперь оно попало и к вам. С получением этого письма к вам придет удача и счастье. Но с одним условием – отправьте его дальше. Это не шутка. Никаких денег не надо, потому что ни за какие деньги не купить счастья. Отправьте письмо тому, кому вы желаете счастья. Не задерживайтесь с отправлением. Вам необходимо отправить 20 штук в течение 96 часов после получения этого письма.

Жизнь этого послания началась в 1853 году. Артур Саян Даниель получил его и велел секретарше размножить. Через четыре дня он выиграл миллион. Служащий Хорита из Нагасаки, получив это письмо, порвал его и через четыре дня попал в автокатастрофу.

Хрущев получил это письмо, отдыхая на даче в 1964 году. Он выругался и выбросил его в урну. Через четыре дня Хрущева свергли. Ни в коем случае не рвите это письмо, отнесите к нему серьезно! Итак, 20 писем в течение 96 часов. Результат – на четвертые сутки после отправления. Желаем счастья!»

Дочитав письмо, Павел Лаврентьевич собрался было последовать пагубному примеру Никиты Сергеевича и служащего Хориты, но тут, после рекламного сообщения, начался третий тур телеигры «Поле чудес», где молодой майор и две агрономши никак не могли получить стиральную машину, угадав последнюю букву в иностранном слове «аборт», – и назойливое письмо мирно упокоилось в глубинах потертых брюк несуетливого Манюничкова.

Обнаружилось письмо только завтра, на работе, когда Павел Лаврентьевич, зайдя в курилку, полез в карман за сигаретами. Естественно, Манюничков не преминул показать послание приятелям, большинство которых отнеслось к нему скептически. Однако Сашка Лихтенштейн из соседнего отдела вдруг заявил, что его теща получила такое же, в отличие от некоторых размножила – и спустя четыре дня умотала наконец в свой Израиль – после чего лично он, Сашка Лихтенштейн, искренне верит в счастье. Манюничков глянул в сияющие Сашкины глаза – и его осенило.

Вернувшись в отдел, Павел Лаврентьевич быстро набрал на клавиатуре своей персоналки (кстати, соотечественницы упрямого служащего Хориты из Нагасаки!) текст письма, проверил, нет ли ошибок, – и сбросил текст на принтер. Через восемь минут два десятка экземпляров лежали перед довольным Манюничковым.

По дороге домой Павел Лаврентьевич раскидал письма по первым попавшимся почтовым ящикам и с приятным чувством выполненного долга стал ждать заслуженного счастья.

Прошло четыре дня.

Манюничков выиграл рубль в лотерею и не поехал в колхоз, так как заболел гриппом. Все вышеуказанные события он приписал действию письма, но, получив еще одно, аналогичное, также отпечатанное на принтере, – не раздумывая, выбросил его в мусорное ведро. И ничего страшного с Манюничковым не произошло. Разве что машина грязью окатила, так не через четыре дня, а через неделю!

А персоналочке японской, на которой Павел Лаврентьевич работал, наладчик поставил на место все украденные ранее микросхемы, старый плоттер заменил, а потом кто-то, видимо по ошибке, загрузил импортную суперпрограмму «бой в памяти». И играет она теперь в эту игру с утра до вечера и ни на какие запросы не отвечает.

Счастлива, наверное...

Скрытая проводка

Стихийное бедствие из шести букв, по горизонтали...

– Ремонт! – подсказали сзади, и измазанные спецовки выставили-таки упирающегося Манюнчикова из четвертого по счету кабинета, выставили вместе со стареньким электрочайником и подозрительным ржавым порошком чаеразвесочной фабрики г. Очамчиры. Плонул Павел Лаврентьевич в сердцах, посмотрел грустно на ботинок оплеванный и пошел искать по институту, где оскорбленному есть чувству уголок. Уголок отыскался на третьем этаже – мирный благодатный оазис среди барханов песка, цемента и известки, с чахлой вечно-зеленой пальмой и белым неоновым солнцем пустыни, весело подмигивавшим очарованному Манюнчикову. И вот уже радует глаз связующая нить от греющегося чайника к розетке у самого плинтуса, уже мягкое полудиректорское кресло приняло в объятия свои лучшую из составных частей Павла Лаврентьевича, уже неприступная твердыня кроссворда готова выбросить белый флаг и сдаться победителю по вертикали и по горизонтали...

– Здорово, Манюнчиков! Чаи гоняешь? – В дверях оазиса возник верблюжий профиль Сашки Лихтенштейна из соседнего отдела, скалящийся всеми своими золотыми россыпями. Собственно, хам Сашка искажил, как всегда, родовую фамилию Павла Лаврентьевича, меняя в ней первые буквы по своему усмотрению, но результат получая одинаково неприличный и чувствительно задевавший гордого Манюнчикова.

Подождав реакции на любимую шутку, Сашка шагнул в кабинет и явил себя миру целиком, обнаружив неожиданное сходство с небезызвестным Лаокооном, борющимся с древнегреческими змеями. От небритой шеи до предполагаемой талии на нем был намотан грязный лапшеобразный провод, конец которого исчезал в глубинах Сашкиного организма.

– Директор послал, – трепался Лихтенштейн, приседая на корточки и выдергивая из розетки штепсель многострадального чайника, – сделай, говорит, проводку скрытую, а то скрытности у нас маловато, и про водку слышать тошно, это каламбур такой тонкий, Манюнчиков, про водку-то, только темный ты у нас, и с чувством юмора у тебя, как у директора, даже хуже...

И уснул бы, наверное, Павел Лаврентьевич, уснул в тепле и уюте под болтовню нудную, волнообразную – когда б не пауза длительная, трепачу Сашке не присущая, и не вопль дикий, несуразный, взорвавший Манюнчикову нирвану.

Всклооченный Лихтенштейн стоял на коленях у стенки и совал отверткой в раскуроченную розетку.

– Ты глянь, нет, ты глянь, Манюнчиков, нет, ты глянь... – бормотал он, тупо моргая рыжими ресницами.

Павел Лаврентьевич склонился над розеткой, последил с минуту за бессмысленными Сашкиными манипуляциями и осведомился об оказании первой помощи человеку, богом обиженному и током ударенному.

Дальнейшая информация, скрытая в монологе неудачливого электрика под шелухой оскорбительных выпадов в адрес Манюнчикова, в очищенном виде сообщала, что к данной розетке никаких проводов не подведено и подведено никогда не было, и если бы не Сашка, то электричество бы здесь и не ночевало, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Надоело Павлу Лаврентьевичу сопереживать речи страстной и неуравновешенной, взял он кроссворд недорешенный и вышел вон. А спускаясь по лестнице, вспомнил он чайничек свой верный, к неработающей розетке подключенный, тепло бока его округлого вспомнил – и остолбенел, истину уяснив. И обратно кинувшись через препятствия многообразные, застал Манюнчиков Сашку над чайником склоняющимся и ноздри носа своего породистого, с горбинкой, раздувающим.

– Слышь, Паша, – в дрожащем голосе Лихтенштейна вибрировало неподдельное уважение, – ты гений, тебе Нобелевскую надо, я тару сейчас организую, и мы немного вздрогнем...

На столе обнаружили две синенькие чашки, чайник завис в воздухе, и густо-коричневая струя полилась вниз, наполняя комнату отменным коньячным ароматом, вызывающим светлые воспоминания о белоглавых горах Армении. Манюнчиков медленно приблизился к столу, поглядел на таинственную розетку, на пятизвездную жидкость в чашках...

– Саша, – необычайно торжественно произнес Павел Лаврентьевич, – Саша, я себя уважаю. А ты?..

За пьянство в рабочее время Манюнчиков с Лихтенштейном получили по выговору. Тщетно зывали они к научному мышлению случайно вошедшего начальства, тщетно будили дух просвещения в темных административных умах, тщетно ткнул Павел Лаврентьевич отверткой в предательскую псевдорозетку. Тем более что, пока Манюнчиков размышлял на лестнице, постигая тайны природы, подлец Сашка успел-таки подключить розетку к щитку распределительному, забыв в эйфории поставить в известность соавтора!

Всю последующую неделю ударенный Манюнчиков с Сашкой не здоровался. Здоровью это, правда, особенно не помогало. А в среде институтских уборщиц да сторожей слухи поползли, один другого ужаснее. И передавали тети Маши дядям Васям, что призрак бродит по институту, вздыхает тяжело по ночам и провода у всех розеток на пути своем режет. Кто шаги слышал, кто проводку потом чинил, а кто и спину привидения, нетвердо прочь шагавшего, видеть сподобился. И в руках порождения адова, краем савана прикрытый, чайничек покачивался, старый, электрический. И нетопыри кружили над гладким черным хвостом с помятым штепселем на конце...

Мифург

...В сыром прокуренном подвале
На строгом девичьем овале
Глаза, глубокие, как омут,
Манят к счастливому концу...

В дверь позвонили. Отложил Павел Лаврентьевич ручку в сторону и скрепя сердце в коридор направился, пнув в раздражении вечно путающегося под ногами Жлобного карлика. Тот взвыл от обиды и к ванной кинулся, где и скрылся в грохоте рушащихся штабелей пустых бутылок. Добровольно сдавал посуду лишь услужливый Поид кишечнослизистый, но он был в отгуле, а остальные утверждали, что их приемщик обсчитывает.

На лестничной площадке уже торчала обаятельная вампиресса Лючия и весь выводок ее сопливых вампириссимо.

– Не взяли, – пожалала она острыми плечиками, сокрушенно глядя на Манюничкова, – я же говорила вам, что синьор редактор терпеть не может сложноподчиненных предложений. Миль дьяболо, он в конце забывает, что было вначале!..

Взял Павел Лаврентьевич пакет с возвращенным романом «Белый клык» да понес в комод прятать. Пацаны Лючии радостно запрыгали вокруг него.

– Дядька дурацкий, – вопили они, – ты не Стругацкий, дядька дурак, ты не Карсак!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.